

Содержание

Предисловие автора • 11

Книга первая

Эджвуд

I • 17

*Откуда-то Куда-то Еще • Лонг-дринк «Уотер» • Безличность •
Имя и номер • Городской Маус • С первого взгляда • Юный Санта
Клаус • Островок в море • Переписка • Понарошку • Жизнь ко-
ротка или длинна • Карты в Эджвуде легли удачно • Джуниперы*

II • 48

*Ванная в готическом стиле • По сторонам • Сон Софи • Сбили
с дороги • Воображаемая спальня • В саду, обнесенном стеной •
Дома и истории • Совет доктора Дринкуотера • «Архитектура
загородных домов» • Как раз в эту минуту*

III • 73

*Странная внутренняя планировка • Это был именно он • Тенистые
причудливые тропы • Назовем их дверьми • Нет предела возможно-
стям • Прогулка вокруг дома • Расскажи мне Повесть • Ответы
на все вопросы • Всё! — сказала она*

IV • 106

*Костюм Трумэна • Летний Домик • Вудзы и Лейки • Касание но-
сами • Счастливые острова • Уединенная жизнь • Так же тихо,
как и пришла • Предположим, ты рыба*

V • 130

*Счастливые дети • Окончательный порядок • Сумей найти лица •
Эти немногие окна • Посмотреть, может, что и увидит • Но
это так • В лесу • По пути • Хороший совет • Как насчет этого*

Книга вторая

Секрет Братца Северного Ветра

I • 169

Уединение и управление • Отличная идея • Несколько заметок о них • Чего тебе хочется больше всего • Нечто ужасное • Антология любви • Темно прежде, чем рассветет • Последний день Августа • Странный способ жить • Не дотянуться

II • 212

Задание Робина Берда • Конец Света • Секрет Братца Северного Ветра • Единственное развлечение • В Зиме только одно хорошо • Мир очень стар • Ненасытные хищники • Ответственность • Праздник урожая • Захваченные Повестью

III • 241

Время летит • Определенно рисковый • На Холм • Какао и булочка • Нимфы-сиротки • Младшие Козыри • Вполне справедливо

IV • 262

В согласии с Ньютоном • Письма к Санте • Места на всех хватит • Они готовят дар • Птица из Старого Света • Люси, потом Лайлак • Маленькая, большая • Ночь солнцестояния • Во всех направлениях

Книга третья

Ветхозаветная Ферма

I • 293

Защита от посторонних • Новости из дома • Что услышал Джордж Маус • Джордж Маус продолжает подслушивать • Друг Доктора • Пастух в Бронксе • Взгляни на часы • Встреча Клуба • Воспроизведенные небеса

II • 322

Ветхозаветная Ферма • Чуток или весь котелок • «Крылатый гонец» • Складная Спальня • Сильвия и судьба • Врата из рога

III • 353

Лайлак и светляки • Это секрет • Книги и битва • Старая география • Хиллы и Дейлы • Взгляд беглеца • Две красивые сестрички

IV • 384

Искусство Памяти • География • Пробуждения • Обратного хода нет • Медленно копившийся осадок времен • Принцесса • Домик Брауни • Пир

Книга четвертая

Дикий Лес

I • 413

Время и путешествие • Чудо дождливого дня • Это судьба • Тайный агент • Терпение лопнуло • Явление сокрытых • Слава • Еще не время

II • 441

Ворочаешься с боку на бок • Негра • «Седьмой святой» • Акустический свод • Лицом наружу • Что за неразбериха

III • 468

Верхушка лестницы • Дочь Времени • Дитя повернулось • Воображаемый кабинет • И все же весна • Пусть следует за любовью

IV • 495

Действие шло бы веселее • Что-то отсылаем • Дядя Папа • Точно потерялась • Дикий Лес • Это война • Непредвиденный шов • С востока на запад • Сильвия?

Книга пятая

Искусство Памяти

I • 519

Герой пробудился • Тайная печаль • Поместить туда какой-нибудь год • На первом месте • На втором месте • И на третьем

II • 549

Не о ней, о парке • Никогда никогда никогда • Неважно • Сильвия и Бруно. Окончание • Как далеко ты зашел • Доньшко бутылки • Дверь в никуда • Впереди и позади

10 Содержание

III • 583

Как раз к сроку • Иголка в стоге Времени • Перекресток • Жуткая беда • Поворачиваюсь потихоньку • Обнимать самого себя

IV • 612

Взамен • Достаточно дальновидны • Далее всегда • Три Лайлак • Греза о пробуждении

Книга шестая

Парламент Фейри

I • 639

Зимы • Пятьдесят две • Несение факела • Что бы такое слямзить • Регуляторы хода • Караваны • Новообретенная земля • Еще немного, и конец

II • 673

Вот так сюрприз • Путь оттуда • Парламент • Это еще не все • Дама с сумочкой из крокодиловой кожи • Пока не украдено

III • 701

А это далеко? • Просто делала вид • Куда ее занесло? • Это слишком просто • Другая страна

IV • 726

Бури различий • Смотрите себе под ноги • Семейное дело • Часы и трубка • На пустом месте • Игра в пятьдесят две

V • 755

Ее благословение • Такой большой • Больше, много больше • Лишь смелому • Совсем рядом • Посторонись, посторонись • Пойти или остаться • Не пойду • Страна под названием Повесть • Поминки • Безусловный дар • Она неподалеку, она под боком • Когда-то, давным-давно

Комментарии • 794

*Предисловие автора**

Подобно тому как родители не любят признавать, что кого-то из своих детей они любят больше других, считают умнее или симпатичнее, — так же и писатели редко сознаются, что у них, среди всего ими написанного, есть любимая книга и та, которую они считают лучшей: а ведь такая книга неизбежно существует, и не обязательно это последняя или будущая. «Маленький, большой» открыл мне самому, насколько далеко простираются мои писательские возможности; большинство читателей полагают этот роман лучшей моей книгой на сегодняшний день — или, по крайней мере, питают к нему наибольшее расположение. Я должен буду дойти до тех же пределов (по моей оценке), чтобы создать что-то равноценное.

Я начал обдумывать эту книгу (или, вернее, книгу, которая станет этой) летом или осенью 1969 года, а закончил в 1978-м. Первоначально мне представлялось что-то вроде долгой семейной хроники, которая не будет начинаться в прошлом и подбираться к современности, а начнется примерно в наши дни и уйдет в далекое будущее. Кое-что от этого первоначального импульса осталось в книге, но он заслонен другими темами, которые возникли гораздо позже, в процессе работы — к примеру, идеей религии, связанной с фейри. Марианн Мур определяла стихи как «во-

* Перевод М. Назаренко.

ображаемые сады с настоящими жабами»; я подумал, что сто́ит создать воображаемый сад, в глубине которого скрываются настоящие фейри.

Однажды я наткнулся на персидскую притчу под названием «Парламент птиц», которая предоставила в мое распоряжение сюжет, замечательно — и поразительно — подходящий к тому, что я уже придумал.

Наконец, я играл с идеей рассказа или серии рассказов о могущественном маге, который, как частный детектив, расследует преступления и разгадывает космические, невообразимые загадки — например, дело о пробуждении спящего императора; что-то в этом роде.

И вот — не вполне по моей воле — все эти импульсы сталкивались и смешивались; я пытался связать их веревками и лентами литературных приемов, которые испробовал впервые; и наконец увидел, что все темы моей книги стройно и трогательно сходятся воедино. Осталось только записать ее. Когда я начал создавать свою вымышленную семью, среди первых образов был и такой: человек собирает свою семейную жизнь в саквояж и отправляется в последнее путешествие; лет восемь спустя я записал эту сцену, близкую (наконец-то!) к финалу книги — той книги, которую вы держите в руках.

11 апреля 1990 г.

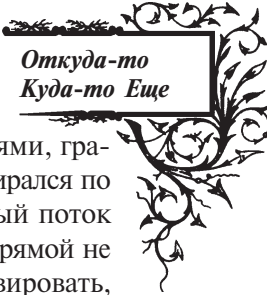

*Люди суть люди, но Человек —
это женщина.*

Честертон

Однажды июньским днем 19... года молодой человек неспешным шагом шел из огромного Города на север по направлению к небольшому местечку под названием Эджвуд, слышать о котором он слышал, а бывать там — не бывал. Юношу звали Смоки Барнабл, в Эджвуде ему предстояло жениться; то, что он шел пешком, а не ехал, было одним из условий его прибытия в Эджвуд.

Хотя молодой человек покинул свою комнату в Городе ранним утром, уже близился полдень, когда он, перейдя через громадный мост по пешеходной дорожке, обычно пустой, оказался на северном берегу реки среди городков с индейскими названиями, границ между собой не имевших. Он пробирался по ним чуть ли не до вечера: транспортный поток был таким плотным, что двигаться по прямой не удавалось; чаще всего приходилось лавировать, выбирая маршрут. Минувя округ за округом, Смоки заглядывал в узкие переулки, бегло осматривал витрины магазинов. Прохожих было немного, даже из числа местных жителей, разве что подростки на велосипедах. Молодой человек не переставал дивиться, как можно жить на таком унылом отшибе, а дети между тем веселились вовсю.

*Откуда-то
Куда-то Еще*

Чередование жилых кварталов с торговыми авеню постепенно теряло упорядоченность; дома редели, будто деревья на окраине большого леса; подобием полян стали появляться пустыри, заросшие сорняками; там и сям из-под земли тянулись чахлые, запыленные побеги; попадались замусоренные лужайки — словом, вся местность вполне годилась для устройства промышленной зоны. Эта мысль упорно вертелась в голове у Смоки; окружавший его пейзаж больше всего походил не то на пустыню, не то на заброшенное озимое поле — чем не площадка для возведения фабрик?

Смоки подошел к скамейке на остановке автобуса, который курсировал Откуда-то Куда-то Еще. Присев на краешек, он сбросил с плеч дорожную сумку, достал из нее сэндвич, изготовленный им собственноручно (это тоже было одним из условий), а также разноцветную, будто конфетти, карту с указанием бензозаправок. Смоки не был уверен, что не нарушит условий, воспользовавшись картой, но поскольку путь до Эджвуда ему описали довольно бестолково, он, отбросив сомнения, развернул ее.

Так. Голубая линия, очевидно, обозначала знакомую ему избитую щебеночную дорогу, вдоль которой стояли пустующие кирпичные заводи. Смоки расположил карту параллельно скамейке, на которой сидел: разбираться в картах он был не мастак, но определил, что конечная цель его путешествия находится по левую руку от него, причем на довольно приличном расстоянии. Название Эджвуд на карте отсутствовало, но само местечко ютилось где-то здесь, среди пяти небольших городков, отмеченных самыми мелкими точками. Ага. Жирная двойная красная линия обозначала пролежавшую поблизости магистраль со многими боковыми въездами и выездами; пешком здесь не пройдешь. Еще ближе находилась четкая голубая линия (нарисовав в уме систему сосудистого кровообращения, Смоки представил, как весь транспорт вливается в город с юга по голубым линиям, а из города течет по красным), от которой ответ-

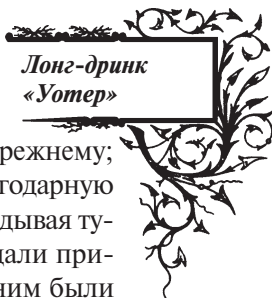
влялись отростки к городкам и населенным пунктам. Гораздо более тонкая склеротическая голубая линия, возле которой он сидел, являлась притоком — по всей видимости, торговым путем: Тул-таун, Фуд-сити, Ферничер-уорлд, Карпет-виллидж. Так-так... Но на карте имелась еще почти что неразличимая узенькая черная линия: вот она вполне подходила. Сначала Смоки показалось, что она никуда не ведет, будто картограф забыл дочертить ее до конца, однако неровная линия, выпутавшись из узловатых переплетений, уверенно и наглядно устремлялась на простор севера и едва ли не задевала собой городок, который, как Смоки было известно, почти соседствовал с Эджвудом.

Вот, значит, она самая и есть. Похожа скорее на пешеходную тропу.

Измерив на карте большим и указательным пальцами расстояние, которое было пройдено, и то, которое ему еще предстояло пройти (гораздо большее), Смоки закинул за спину дорожную сумку, надвинул шляпу на глаза для защиты от солнца и зашагал дальше.

В пути она не очень занимала его мысли, хотя, конечно же, за неполные два года, что Смоки любил ее, она не выходила у него из головы; воображение часто уносило его в ту комнату, где они встретились впервые, и порой сердце его трепетало по-прежнему; но сейчас Смоки испытывал скорее благодарную признательность, опять мысленно заглядывая туда, в ту комнату, где Джордж Маус издали приветствовал его стаканом и трубкой; с ним были его долговязые кузины: младшая пугливо пряталась за спиной у старшей.

Происходило это в городском доме Маусов — последнем обитаемом доме в квартале. Окна с частым переплетом в библиотеке на втором этаже были залатаны картоном,

по темному ковру протоптаны светлые дорожки от двери к окнам и бару. Да, именно там они и встретились.

Она была высоченной.

Ее рост достигал шести футов: Смоки был на несколько дюймов ниже; ее сестренка, которой только-только исполнилось четырнадцать, была с ним вровень. Короткие вечерние платья девушек переливались блесками — красное у нее и белое у сестры; блестели и их длинные-длинные чулки. Отличались сестры не только высоким ростом, но и застенчивостью, особенно младшая, которая робко улыбнулась, но не пожала протянутой руки Смоки, а еще дальше спряталась за спину сестры.

Изящные великанши. Старшая бросила быстрый взгляд на Джорджа, когда Смоки галантно представился, и вежливо улыбнулась в ответ. Ее вьющиеся волосы отливали золотом. Джордж сказал, что ее зовут Дейли Элис.

Смоки, вскинув глаза, взял ее за руку. «А мне лонг-дринк “Уотер”», — сказал он, и она залилась смехом. Ее сестра тоже засмеялась, а Джордж Маус, согнувшись пополам от хохота, хлопал себя по коленке. Смоки, не понимая, почему их так развеселила эта избитая шутка, стоял с блаженно-ангельской улыбкой, переводя взгляд с Джорджа на Элис, руку которой все еще держал в своей.

Это был самый счастливый момент в его жизни.

До знакомства с Дейли Элис Дринкуотер в библиотеке городского дома Мауса жизнь Смоки складывалась не очень-то счастливо; но вышло так, что его образ жизни наилучшим образом расположил его к уходу за ванию, которое он как раз затеял. Смоки был единственным ребенком, рожденным во втором браке отца, когда тот приближался уже к шестидесяти. Стоило матери уяснить, что изрядное состояние Барнабла испарилось благодаря неумело-

му хозяйствованию супруга и что ей не имело ни малейшего смысла выходить за него замуж и уж тем более рожать ребенка, как она в приступе горького разочарования покинула дом. Смоки тяжело это переживал: из всех родственников мать казалась ему наименее безличной; в сущности, из числа тех, с кем его связывали кровные узы, она была единственной, чей образ мгновенно вспоминался ему и в старости, хотя расстались они, когда он был еще совсем мальчиком. Сам Смоки в основном унаследовал безличность Барнаблов: от матери ему досталась лишь частичка определенности. Знаяшим его эта частичка представлялась неоспоримой: проблеск наличного присутствия посреди смутно мерцающей пустоты.

Семья была большая. От первой жены у отца родилось пятеро сыновей и дочерей. Все они жили в каких-то безличных пригородах в штатах, названия которых начинались с буквы «I»: друзья Смоки по Городу вечно их путали, порой и сам Смоки не мог толком в них разобраться. Знакомые полагали, что у его отца денег чертова уйма, и, понятия не имея, как он ими распорядится, всегда охотно приглашали его к себе. После ухода жены отец решил продать дом, в котором Смоки родился, и предпочел кочевать с места на место в сопровождении маленького сына, череды безличных собак и семи изготовленных по специальному заказу сундуков, в которых содержалась его библиотека. Барнабл был образованным человеком, хотя его познания носили столь отвлеченный и закостеневший характер, что собеседника он себе не находил и потому ничем не нарушал свойственную ему от природы безличность. Его старшие сыновья и дочери относились к сундукам с книгами как к большому неудобству: как если бы чужие носки мешались в стирке с их собственными.

(Позднее Смоки завел привычку сортировать своих сводных братьев и сестер, связывая их с определенными городами и штатами, пока сидел в уборной. Может, потому,

что в их уборных он острее всего ощущал свою безличность — вплоть до невидимости; во всяком случае, время проходило за перетасовыванием братьев, сестер и их отпрысков, словно это была колода карт; Смоки прилаживал лица к входным дверям и к газонам, пока с годами в конце концов не наловчился раскладывать всю колоду. Это доставляло ему то же безрадостное удовлетворение, что и от решения кроссвордов, вместе со сходной неуверенностью: а что, если правильно вписанные им слова не совпадают с задуманными составителем? Номер газеты, в котором спустя неделю публиковались ответы, так ни разу и не принесли.)

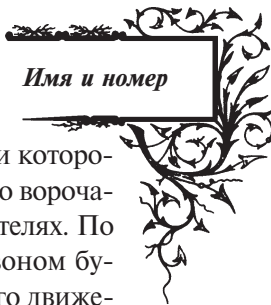
Уход жены не лишил Барнабла бодрости: личность его еще более стерлась; старшим детям казалось, что отец как бы съежился, а потом, все более умаяясь, окончательно улетучился из их жизни. Только Смоки он сумел передать дар, позволявший осязать его личность,— свои знания. Из-за частых переездов Смоки не имел возможности регулярно посещать школу, а к тому времени, когда они обосновались в одном из штатов, название которого начиналось с буквы «I», выяснилось, что содеял над сыном отец: Смоки оказался слишком взрослым для того, чтобы можно было принудить его ходить в школу. К шестнадцати годам Смоки изучил классическую и средневековую латынь, древнегреческий, основы старомодной математики; немного умел играть на скрипке. Другие книги, помимо томов отцовских классиков, переплетенных в кожу, он почти и не раскрывал; мог более или менее правильно продекламировать сотню-другую строк из Вергилия, а также писал наклонным каллиграфическим почерком.

Отец Смоки в тот год умер ссохшимся старичком, словно всю свою невеликую телесную плотность передал сыну. Смоки продолжал скитания еще несколько лет. За отсутствием диплома поиски работы давались ему нелегко. Наконец ему удалось обучиться машинописи в какой-то заху-

далой школе бизнеса (должно быть, в Саут-Бенде, как он потом вычислил) и сделаться клерком. Он долго жил в трех разных пригородах, которые именовались одинаково, и в каждом родственники называли его по-разному — то его собственным именем, то именем отца, то просто Смоки; он выбрал себе последнее: оно как нельзя точнее передавало его склонность исчезать неуловимо, подобно дыму. Смоки даже не подозревал о бережливости отца и, неожиданно получив в двадцать один год запоздалый скромный капитал, сел в автобус, идущий в сторону Города, и, как только за окошком промелькнул последний дом пригорода, забыл все те места, где жили его родственники, а заодно и самих родственников — впоследствии он с трудом восстанавливал в памяти их лица по ассоциации с видом газонов; очутившись же в Городе, он благодарно и без следа растворился в нем, подобно дождевой капле, канувшей в море.

Смоки занимал комнату в доме, который когда-то принадлежал приходскому священнику старинной церкви. Эта церковь, чтимая, но заброшенная и полуразрушенная, стояла и теперь позади дома. Из окна открывался вид на кладбище, обитатели которого, носившие голландские имена, мирно ворочались с боку на бок в своих вековых постелях. По утрам Смоки, поднятый на ноги не звоном будильника, а внезапным шумом уличного движения (он так и не научился спать под гул городского транспорта, тогда как долгий грохот поездов, шедших на Средний Запад, совершенно его не тревожил), отправлялся на службу.

Он работал в просторной светлой комнате, где малейшие звуки взмывали к потолку и возвращались эхом, странным образом переменявшись. Если кто-нибудь кашлял, то

казалось, будто кашляет сам потолок, стеснительно прикрыв рот. Весь день Смоки водил лупой по бесчисленным столбцам, разбирая мелкий шрифт и тщательно изучая каждое имя, сопутствующий адрес и номер телефона, а затем отмечал красным карандашом имена, адреса и телефоны, не совпадавшие с распечатанными данными на карточках, которые ежедневно вырастали перед ним стопка за стопкой.

Поначалу имена не значили для него ничего и обладали не большим смыслом, нежели совершенно безличные телефонные номера. Единственной отличительной чертой того или иного имени служило занимаемое им случайное, но вместе с тем неизбежное место, продиктованное алфавитом. Бывало, компьютер допускал идиотские ошибки — вот за их выявление Смоки и получал жалованье. (Смоки удивлялся не столько редким сбоям компьютера, сколько его непроходимой тупости: например, тот не в состоянии был определить, когда аббревиатура «St.» обозначает «улицу», а когда «святого», поэтому иногда адрес выглядел так: гриль-бар «Седьмой святой» или Церковь Всех Улиц). Неделя текла за неделей, и Смоки, чтобы хоть чем-то заполнить вечера, бесцельно прогуливался по Городу (не зная о том, что большинство жителей с наступлением темноты обычно сидят дома), знакомясь с окрестными улицами и переулками, с особенностями различных районов, с барами и открытыми верандами. Постепенно имена, которые мелькали перед ним сквозь увеличительное стекло, начали обретать реальность; люди, которые попадались ему в автобусах, поездах и кондитерских, перекрикивались через улицу из тесно поставленных многоквартирных домов, глазели на дорожные происшествия, спорили с официантами и продавщицами, а также сами официанты и продавщицы — все они стали проступать перед ним на тонких страницах регистрационной книги; да и сама Книга представлялась ему теперь величественной эпической сагой о городской жизни

с ее встречами и расставаниями, преисполненной трагедии и фарса, изменчивой и насыщенной драматическими перипетиями. Он узнавал о вдовах с древними голландскими фамилиями, которые жили, как он знал, на главных улицах в домах с высокими окнами и управляли супругами — вернее, недвижимостью супругов, а их сыновья — обычно Стиллы или Эрики, худ.-дек-ры интер-ов, селились в квартилах богемы; о многочисленном семействе с невообразимыми именами на греческий лад, занимавшем несколько строений в зловонном квартале, мимо которого Смоки однажды проходил: семейство непрерывно росло, хотя всякий раз при просмотре алфавитного списка кто-то из него выбывал (цыгане, решил наконец про себя Смоки); о мужьях, чьи жены и несовершеннолетние дочери по частным телефонам ворковали со своими любовниками, пока сами мужья без конца названивали финансовым фирмам, носившим их имена; подозрение у Смоки вызывали субъекты, которые сокращали до инициала первое, а не второе имя: как правило, ими оказывались или сборщики налогов, или адвокаты, открывавшие конторы по месту жительства; иногда это могли быть полицейские чиновники, которые попутно занимались продажей подержанной мебели; Смоки установил, что почти каждый житель по фамилии Синглтон и все до единого Синглтери обитали в северной негритянской части города, где мужчины носили имена бывших президентов, а женщин называли по драгоценным камням — Перл, Руби, Берилл — с горделивой приставкой «миссис», и Смоки представлял, как они — дородные, темнокожие, сияющие — возятся в тесных каморках с кучей чисто вымытых детишек. Начиная с самодовольного специалиста по ремонту замков, украсившего название своей крохотной мастерской множеством заглавных «А», и кончая ученым — Архимедом Яяззандотти (старым холостяком, читающим в запущенной квартирке греческие газеты), Смоки знал те-

перь всех до единого. Под его скользящей лупой набранные мелким шрифтом имя и номер казались всплывшими на поверхность и выброшенными волнами на берег обломками кораблекрушения, способными поведать целую историю. Смоки вслушивался в нее, сличал карточку со списком и, убедившись в отсутствии разночтений, переворачивал ее, даже если увеличительное стекло помогало всплыть новой истории. Сидевший с ним рядом клерк тяжело вздохнул. Потолок кашлянул, потом громко рассмеялся. Все сидевшие в комнате подняли головы.

Смеялся молодой человек, которого приняли на работу совсем недавно:

— Я только что обнаружил в регистрационном списке «Клуб охотников и рыбаков с Шумного моста». — Он едва сумел выговорить фразу до конца из-за душившего его смеха. Смоки поразился, что даже полное безмолвие соседей-корректоров ничуть его не обескуражило. — Ты что, не врубаешься? — обратился молодой человек к Смоки. — Шум на этом мосту уж точно поднимают изрядный.

Неожиданно для себя Смоки тоже рассмеялся: его смех взлетел под потолок и обменялся там рукопожатием со смехом соседа.

Молодого человека звали Джордж Маус; он носил широкие брюки с широкими подтяжками; по окончании рабочего дня он завернулся в необъятный шерстяной плащ с воротником, зацепившим его длинные черные волосы, и Джорджу пришлось рывком их высвободить, как это делают девушки. Шляпа у него была как у Свенгали: из-под ее полей весело и притягательно блестели такие же темные глаза. Не прошло и недели, как Джорджа, к великому облегчению всех сидевших в комнате обладателей бифокальных очков, выставили за дверь, но к тому времени он и Смоки, которому казалось, что он единственный в целом свете может утверждать это со всей неоспоримостью, уже стали закадычными друзьями.

Подружившись с Джорджем, Смоки начал приобщаться к умеренному распутству: немного пьянства, немного наркотиков; под влиянием Джорджа он стал иначе одеваться (мода Города предписывала наряд из ткани в цветную клетку) и выражаться цветистее; Джордж представил его и девочкам. Довольно скоро безличность Смоки скрылась под внешними покровами, как Человек-невидимка под своими бинтами; прохожие перестали толкать его на улице, а пассажиры автобуса — плюхаться ему на колени без извинения: все это Смоки объяснял тем, что его присутствие в мире сделалось смутно осязаемым для многих.

У Маусов, во всяком случае, он присутствовал часто: семейство занимало единственный обитаемый дом в опустевшем квартале, который возвел первый из городских представителей Маусов, и квартал все еще им по большей части принадлежал. Смоки был благодарен Джорджу не столько за шляпу нового фасона и за новый жаргон, который он у него перенял, сколько за знакомство с этими людьми — крайне своеобразными и бурно выражавшими свои симпатии. Смоки мог часами незаметно просиживать где-нибудь в уголке, находясь в то же время в самом средоточии семейной жизни — с ее спорами, шутками, вечеринками, шарканьем домашних тапочек, попытками самоубийства и шумными примирениями; невзначай его замечали дядюшка Рэй, или Франц, или Ма и с изумлением восклицали: «Гляньте-ка, а Смоки, оказывается, здесь!» — и тогда он расплывался в улыбке.

— У тебя нет родственников за городом? — как-то спросил Смоки у Джорджа, когда они пережидали метель в излюбленном Джорджем кафе-баре, расположенном в старинном городском отеле.

Выяснилось, что родственники за городом действительно есть.

*С первого
взгляда*

— Они очень набожны, — подмигнув, сообщил Джордж, когда уводил Смоки от смешливых девушек, чтобы представить его их родителям — доктору и миссис Дринкуотер.

— Я не практикующий доктор, — пояснил мистер Дринкуотер — морщинистый, с волосами, похожими на шерсть, неулыбчивой оживленностью походивший на маленького зверька.

Его супруга была выше ростом; заброшенная на ее плечи шелковая шаль с густой бахромой заколыхалась, когда она пожала Смоки руку и попросила называть ее Софи; в свою очередь, ростом Софи уступала дочерям.

— Все Дейлы были высокими, — заметила она, устремив рассеянный взгляд к потолку, словно все они находились где-то там, над ней. Она дала поэтому свою фамилию двум рослым дочерям — Элис Дейл и Софи Дейл Дринкуотер; но была единственной, кто называл их так. В детстве, правда, среди ровесников старшая звалась Дейли Элис, и это имя прочно к ней прилипло, зато младшая осталась просто Софи, и тут уж ничего нельзя было поделать. Однако всякий при одном взгляде на сестер мог с уверенностью сказать, что они из породы Дейлов, и редко кто не оборачивался им вслед.

Какую бы религию сестры ни исповедовали, это не мешало им затягиваться дымом из трубки поочередно с Францем Маусом, когда они усаживались рядышком на тесном диване, а Франц пристраивался на полу возле их ног; не отказывались они и от глоточка ромового пунша, предложенного им Ма; прикрыв рты ладошками, они покатывались со смеху больше не над шуточками глупыша Франца, а над тем, что шептали друг дружке на ухо; скрестив ноги, они не смущались и тем, как плотно облегают их бедра усыпанные блестками платья.

Смоки неотрывно смотрел на девушек. Хотя Джордж Маус и учил его держаться настоящим мужчиной Города и не робеть перед женщинами, жизненную привычку было не так-то легко преодолеть, и Смоки не мог отвести глаз от сестер. Только после почти до неприличия затянувшейся паузы, во время которой он от неуверенности чувствовал себя словно бы парализованным, Смоки наконец решился: заставил себя ступить на ковер и подойти к девушкам. Джордж вечно твердил ему: «Ради бога, не будь размазней». Стараясь изо всех сил не быть размазней, Смоки опустился рядом на пол с застывшей на лице улыбкой, в позе, которая со стороны внушала боязнь, что он вот-вот рассыплется на части (именно так он себя и ощущал и, встретившись глазами с Дейли Элис, более всего был поражен тем, что она ясно это видит). У Смоки была привычка крутить бокал, зажатый между большим и указательным пальцами, чтобы кусочек льда, болтаясь, быстрее охлаждал напиток. Он поступил так и сейчас, и кубик льда звякал о стенки бокала, будто призывный колокольчик.

— Вы часто бываете здесь? — нарушил Смоки молчание.

— Нет,— спокойно ответила Дейли Элис.— В Городе не бываю. А здесь иногда, когда у папы есть дела, или... ну, и всякое такое.

— Он ведь доктор.

— Не совсем. Во всяком случае, он больше не практикует. Теперь он писатель.— Она улыбалась, а Софи опять хихикала у нее за спиной. Дейли Элис продолжила разговор с таким видом, словно ее целью было проверить, сколь долго она сможет сохранять невозмутимость.— Он пишет рассказы о животных, для детей.

— Вот как?

— По одному в день.

Смоки заглянул в ее ясные смеющиеся глаза цвета темного бутылочного стекла и как-то необычайно странно себя почувствовал.

— Они, должно быть, не очень длинные, — проговорил он, с трудом сделав глоток.

Смоки не мог понять, что́ с ним происходит. Конечно же, он влюбился — и влюбился с первого взгляда, но раньше он тоже влюблялся — и всегда тоже с первого взгляда, однако ни разу не испытывал того, что испытывал сейчас: внутри него словно росло что-то — и росло неумолимо.

— Он пишет под именем Сондерс, — продолжала Дейли Элис.

Смоки притворился, будто напрягает память в попытках вспомнить это имя, но на самом деле силился доискаться до причины, почему у него сделалось на душе так чудно́. Это занятное ощущение перетекло к нему в руки, лежавшие на сдвинутых коленях; он пристально в них всмотрелся: они казались тяжелыми, как чугун. Смоки переплел непослушные пальцы и произнес:

— Замечательно!

Девушки расхохотались, и Смоки расхохотался вместе с ними. В приливе нового чувства его так и подмывало смеяться. Дымок от травки тут был ни при чем — тогда бы Смоки, как обычно, сделался невесомым и прозрачным. Случилось обратное. Чем дольше Смоки смотрел на Элис, тем сильнее становилось испытываемое им чувство; чем дольше Элис смотрела на Смоки, тем острее он ощущал... что именно? В ходе беседы они просто взглянули друг на друга — и в душе Смоки как будто гром грянул: его вдруг осенило понимание того, что́ произошло: не только он сам влюбился в Элис, причем с первого взгляда, но и Элис — тоже с первого взгляда — влюбилась в него, и два эти обстоятельства совместным усилием избавили его от безличности. Не загнали недуг внутрь, как это старался сделать Джордж Маус, но устранили его напрочь. Вот в чем была суть нового чувства. Как будто Элис размешала Смоки с кукурузным крахмалом, и он начал загустевать.

Смоки спустился по узкой черной лестнице в единственный сортир в доме, который еще действовал, и остановился в этом облицованном камнем заведении перед широким зеркалом в оправе, покрытым черными крапинками.

Юный
Санта Клаус

Так-так. Ну кто бы мог подумать? Из зеркала на него смотрело лицо в общем-то знакомое, но казалось, будто Смоки видит его впервые. Круглое открытое лицо, чем-то напоминавшее лицо юного Санта Клауса, каким мы могли бы видеть его на ранних фотографиях: в меру серьезное, с темными усами, со вздернутым носом и морщинками, которые лучиками разбегались у глаз, хотя ему еще не исполнилось и двадцати трех. Во взгляде, да и во всем облике, выдававшем веселый нрав, было что-то отсутствующее, неопределившееся; Смоки казалось, что в его внешности чего-то недостает и он никогда не сможет восполнить этот пробел. Довольно. По сути, свершилось чудо. Смоки с улыбкой кивнул своему новому знакомому и, уходя, еще раз оглянулся на него через плечо.

Когда он поднимался вверх по лестнице, на одном из поворотов ему неожиданно встретилась Дейли Элис, которая спускалась вниз. По лицу Смоки не бродила теперь бессмысленная ухмылка, да и Элис больше не хихикала. Заметив друг друга, они замедлили шаг; протиснувшись мимо, Элис, однако, не двинулась дальше, а повернула голову назад. Смоки стоял ступенькой выше, и головы их оказались в позиции, обязательной для киношных поцелуев. Сердце Смоки отчаянно забухало от страха и ликования, вся кровь бросилась в голову и застучала в ней от неистовой уверенности в неизбежном. Он поцеловал ее. Губы девушки шевельнулись в ответ, словно и она прониклась сознанием неминучести происходившего; длинные руки обняли его за плечи, и, зарывшись лицом в ее волосы, Смоки почувство-

вал себя так, будто в скромный кладезь его мудрости добавилось сокровище, не имеющее цены.

Сверху послышался шум, и они отпрянули друг от друга. Это была Софи, которая стояла, широко раскрыв глаза и кусая губы.

— Мне нужно пи-пи,— скороговоркой произнесла она и, пританцовывая, побежала по ступенькам вниз.

— Ты скоро уезжаешь? — сказал Смоки.

— Да, сегодня вечером.

— Когда вернешься?

— Не знаю.

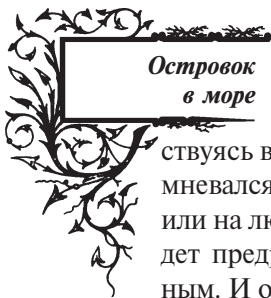
Смоки снова обнял девушку: это второе объятие было спокойным и уверенным.

— Я испугалась,— сказала Элис.

— Я знаю,— торжествующе ответил Смоки.

Господи, до чего же она высоченная. Как бы он обнимал ее, если бы не лестница?!

Как и следовало ожидать от человека, выросшего безличным, Смоки всегда считал, что женщины выбирают или отвергают мужчин согласно критериям, ему неизвестным: по прихоти, как монархи; или руководствуясь вкусом, как критики. Поэтому он не сомневался, что если женщина остановится на нем или на любом другом мужчине, то выбор этот будет предрешенным, неотвратимым и мгновенным. И он, словно придворный, пребывал в ожидании того момента, когда его заметят. «Оказывается,— думал он, стоя тем поздним вечером на крыльце дома Маусов,— женщина — Элис, во всяком случае — воодушевлена теми же пылкими чувствами и сомнениями, что и я; как и меня, ее буруевает желание, побеждая стеснительность, и сердце ее перед объятием билось так же бешено, как и мое. Я знаю, что это было именно так».

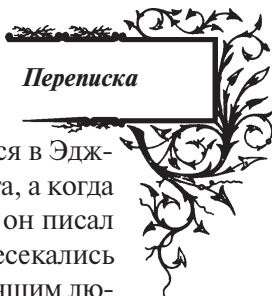
*Островок
в море*

Смоки долго стоял на ступеньках, осмысляя приобретенное им сокровище и вдыхая ветер, который, как нередко бывает в Городе, переменял направление и дул теперь со стороны океана. Он приносил с собой запах прилива, побережья, ракушек; был одновременно кислым, соленым и горьковато-сладким. Смоки осознал, что огромный Город, в конце концов, — всего лишь крохотный островок среди морского простора.

Островок в море. Но те, кто жил в Городе из года в год, об этом — главном — как-то забывали. Поразительно, но это была правда. Смоки спустился с крыльца и пошел по улице, налитый металлом, словно статуя, и шаги его гулко звенели по мостовой.

Джордж назвал ее адрес: «Эджвуд — и все»; телефона у них не было, и Смоки не оставалось ничего другого, как засесть за письма, чтобы выразить любовь при помощи почты с усердием, ныне исчезнувшим почти повсеместно. Пухлый конверт отправлялся в Эджвуд, и Смоки начинал дожидаться ответа, а когда ожидание становилось невыносимым, он писал новое письмо, и потому их письма пересекались где-то на полпути, как и подобает настоящим любовным посланиям. Элис сохранила его письма, перевязав их ленточкой цвета лаванды; спустя много лет ее внуки обнаружили эту связку и прочитали историю невероятной страсти своих предков.

«Я нашел парк, — выводил Смоки черными чернилами своим причудливо остроконечным почерком. — На колонне у самого входа мемориальная дощечка с надписью Маус Дринкуотер Стоун, обозначен и год — 1900. Это вы все? Там есть маленькая беседка “Времена года” и статуи, а дорожки такие извилистые, что напрямик к центру не доберешься. Бродишь-бродишь — и оказываешься у выхода. Лето

кончается (но в городе это заметно разве что в парках), ветки ошетинились и пропылились, да и парк-то крохотный, однако все здесь напоминает мне тебя», — словно не напоминало все остальное. «Я нашла стопку старых газет, — говорилось в письме Элис, которое пересеклось в дороге с письмом Смоки (два водителя, встретившись туманным утром у шлагбаума, помахали друг другу из высоких голубых кабин грузовиков). — Разглядывала комиксы о мальчике, который видит сны. Все комиксы изображают его Страну Грез. Эта страна прекрасна: дворцы и процессии вечно уменьшаются и пропадают или, наоборот, вдруг становятся огромными, а если взглядеться пристальней, превращаются во что-то другое; то есть, знаешь, все происходит как в настоящих снах, только там все всегда очень красиво. Двоюродная бабушка Клауд говорит, что сберегла комиксы ради человека, который их нарисовал: его звали Стоун; когда-то он был Городским архитектором — вместе с прадедушкой Джорджа и моим! Они были приверженцами “Beaux Arts”*. Страна Грез — и есть самое что ни на есть Изящное Искусство. Стоун был пьянчужой (именно так и сказала Клауд). Мальчик, когда грезит, выглядит сонным и удивленным одновременно. Он напоминает мне тебя».

После довольно робкого начала их письма постепенно становились настолько личными, что когда Смоки и Дейли Элис наконец снова встретились в баре старинного отеля, за оцинкованными окнами которого падал снег, оба недоумевали, не произошла ли какая-то ошибка: может быть, Как-то все их письма посылались совсем по другому адресу и их получал некий не попадающий в фокус, расплывчатый незнакомец. Это ощущение очень скоро прошло, но сначала каждый из них дожидался очереди, чтобы рассказывать подробно: иначе они уже не умели. Снег перешел в метель, кофе остыл; а они все говорили, подхватывая фразы друг друга, в восторге, словно сами такое выдумали.

* Изящные искусства (*фр.*).

— Ты не скучала там все это время — и всегда в одиночестве? — спросил Смоки, когда они немного попривыкли к подобному диалогу.

— Скучала? — Элис, казалось, была удивлена. Нет, такая мысль ей и в голову не приходила. — Что ты! К тому же мы вовсе не одиноки.

— Ну... я не то имел в виду... А что они за люди?

— Какие люди?

— Люди, с которыми ты не чувствуешь себя одинокой.

— Ах, эти? Ну, прежде в наших местах было много фермеров. Сначала эмигранты из Шотландии: Макдональд, Макгрегор, Браун. Но теперь там не так много фермерских хозяйств. Правда, некоторые остались. Кое-кто с нами породнился. Знаешь, как это бывает?

Смоки толком не знал. Наступившую паузу они прервали оба одновременно — и опять замолчали.

— Дом большой? — спросил Смоки.

— Огромный, — улыбнулась Элис. Ее карие глаза, казалось, таяли в свете ламп. — Тебе он понравится. Наш дом всем нравится, даже Джорджу, хотя он и говорит, что нет.

— Но почему?

— Еще ни разу не было, чтобы он у нас не заблудился.

Смоки улыбнулся при мысли о том, что Джордж — проводник, наизусть изучивший все ходы и выходы в злачных кварталах ночного Города, не мог сориентироваться в самом обыкновенном доме. Он попытался вспомнить, шутил ли в письмах о Маусах: мышах городских и мышах деревенских.

— Можно тебе что-то сказать? — спросила Элис.

— Конечно! — Сердце у Смоки беспричинно забилось.

— Я знала тебя еще до того, как мы встретились.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что я тебя узнала. — Элис опустила пушистые медно-золотые ресницы, потом бросила быстрый взгляд на Смоки и украдкой окинула взором полусонный бар, словно проверяя, не подслушивает ли ее кто-нибудь. — Мне о тебе рассказывали.